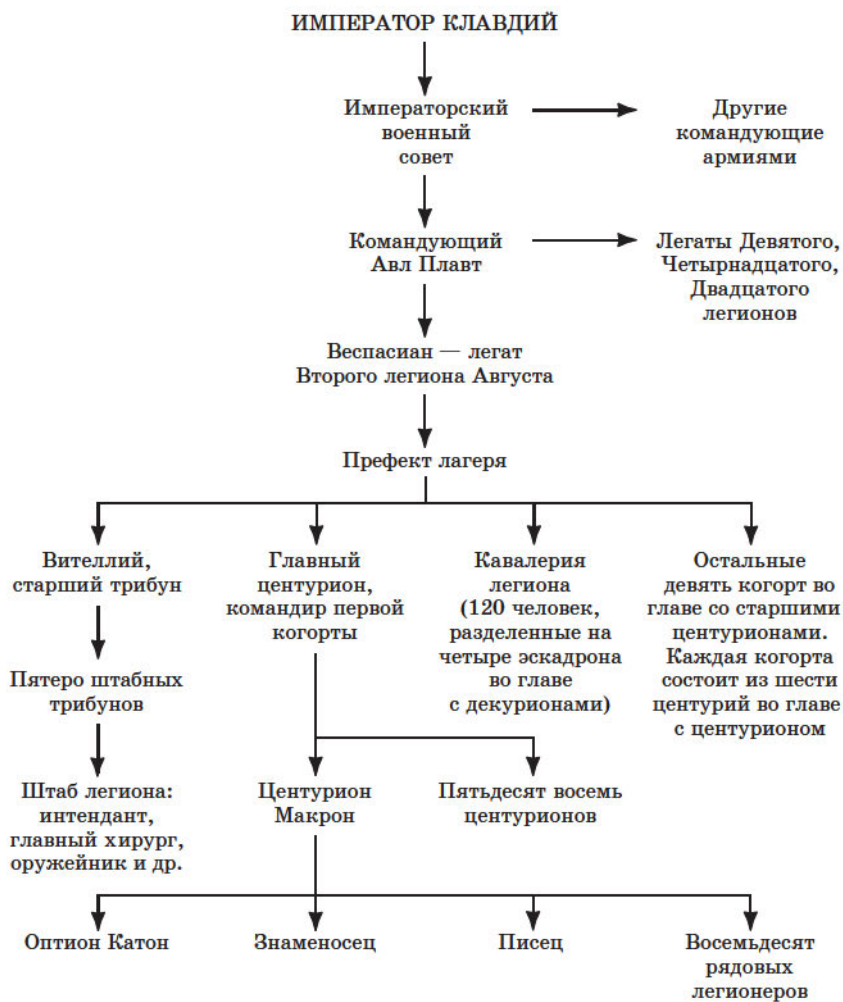

*Одри и Тони — лучшим родителям
и лучшим друзьям*

СХЕМА УПРАВЛЕНИЯ РИМСКОЙ АРМИЕЙ, 43 г. н.э.

ОРГАНИЗАЦИЯ РИМСКОГО ЛЕГИОНА

Второй легион, как и все римские легионы, включал в себя пять с половиной тысяч солдат. Основной его единицей являлась центурия из восьмидесяти человек под командованием ЦЕНТУРИОНА; его помощник, или заместитель, именовался ОПТИОНОМ. Центурия подразделялась на десять отрядов — по восемь воинов в каждом, шесть центурий составляли когорт, а десять когорт — легион, причем первая когорта имела двойную численность. Каждому легиону придавались сто двадцать конников, разбитых на четыре маневренных эскадрона. Кавалеристы преимущественно выполняли обязанности разведчиков и гонцов.

Личный состав легиона имел, в порядке понижения, следующие чины.

ЛЕГАТ. Легатом легиона обычно являлся знатный римлянин среднего возраста, для которого пост этот служил, как правило, ступенькой к дальнейшей политической карьере.

ПРЕФЕКТ ЛАГЕРЯ. Им становился поседевший в походах ветеран, пробывший долгое время первым центурионом легиона, честность и боевой опыт которого не вызывали сомнений. Для незнатного воина это была высшая точка профессиональной карьеры. Если легат отсутствовал или по каким-то причинам оказывался не в состоянии командовать легионом, обязанности его переходили к префекту.

Шестеро **Трибунов** являлись своего рода офицерами штаба. В большинстве случаев это были молодые, лет двадцати с небольшим, люди, желавшие получить военный и административный опыт перед тем, как осесть в органах гражданского управления. Над ними стоял **Старший Трибун**, который

в дальнейшем мог рассчитывать на пост легата или политический рост.

Но костяком командного состава, обеспечивавшим как военную выучку легиона, так и строжайшую дисциплину в его рядах, были все те же ЦЕНТУРИОНЫ, славившиеся умением подчинять солдат своей воле и выдающейся воинской доблестью. Последнее приводило к тому, что этих командиров в сражениях выбивали чаще, чем остальных. Первенство среди них принадлежало главе первой центурии, самому опытному и удостоенному наибольшего числа наград.

Четыре ДЕКУРИОНА командовали приданными легиону кавалерийскими эскадронами и могли рассчитывать получить под начало более крупный, вспомогательный кавалерийский отряд.

Каждому центуриону помогал ОПТИОН, являвшийся его заместителем и первым кандидатом на должность своего командира, когда та (что случалось часто) становилась вакантной.

Рядовые ЛЕГИОНЕРЫ обязывались отбыть на нелегкой воинской службе двадцать пять лет. Первоначально правом служить в легионах обладали лишь римские граждане, однако, по мере расширения державы и увеличения численности армии, легионерами все чаще становились представители коренного населения провинций империи.

Воины ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ КОГОРТ имели формально более низкий статус, чем легионеры. Эти подразделения формировались из жителей местности, в которой квартировал легион, и обеспечивали римскую армию конниками и легкой пехотой. Все воины, не имевшие римского гражданства, получали таковое по истечении двадцатипятилетнего срока службы.

От редакции. «Римский орел» — это не только повествование о событиях, происходивших в Римской империи и Британии в I веке нашей эры, это прежде всего роман о войне. О войне, которая со стороны римлян ведется не народным ополчением, а профессиональными солдатами-легионерами. Они служили 25 лет и зачастую были более преданными своему командиру, чем отечеству. Империя расширяла свои территории, ей нужна была непобедимая армия.

Солдатский быт был примитивен, нравы грубы, а дисциплина суровой. Многие нарушения карались смертью. Грубость начальников по отношению к подчиненным считалась нормой. Зато когда победившее войско удостоивалось триумфа, солдаты отводили душу, распевая непристойные куплеты о своих командирах.

Саймон Скэрроу описывает солдатские нравы Древнего Рима современным «приземленным» языком, что может показаться некоторым читателям необычным, зато позволяет провести параллели с современной армией. Безусловно, эксперимент, но эксперимент во многом удачный.

ЮГО-ВОСТОК
БРИТАНИИ,
43 г. н. э.

Пролог

— Все бесполезно. Эта хреновина увязла намертво.

Центурион привалился к повозке. Смертельно усталые легионеры стояли вокруг, утопая в вонючей болотной жиже, на них с нарастающим раздражением взирал генерал. Он уже собирался взойти на борт эвакуационного судна, когда ему сообщили, что треклятая повозка застряла. Пришлось брать коня и галопом нестись через болото, чтобы на месте понять, что стряслось. Увы, сообщение подтвердилось. Под тяжестью массивного сундука повозка засела в трясине так, что все попытки хотя бы сдвинуть ее были напрасны. На помощь рассчитывать не приходилось, ибо практически все римское войско уже погружилось на корабли. Теперь между ценным грузом и авангардами Касволлана оставались лишь эти вот два десятка легионеров да немногочисленный конный заслон.

Генерал выбранился, и его конь встревоженно вскинул морду. Повозка, нет сомнений, потеряна, а сам сундук слишком грузен, чтобы надеяться дотащить его на руках. Вскрыть же этот дубовый, окованный железными стяжками ящик, чтобы распределить содержимое между легионерами, тоже было практически невозможно, ибо ключ, отмыкавший хитроумный замок, хранился у армейского казначея, а тот отбыл в море на первом из кораблей.

— И что же дальше? — спросил центурион.

Генерал мрачно смотрел на сундук. Он ничего не мог с ним поделаться, решительно ничего, а утрата того, что в нем лежало, отбрасывала его в политическом смысле года на три назад. Но тут, в момент нерешительности и мучительного раздумья, совсем рядом прозвучал боевой рог. Легионеры встрепенулись и потянулись к тропе, где было сложено их оружие.

— А ну стоять! Стоять! — рыкнул военачальник. — Приказа двигаться не было, я кому говорю!

Следуя ввевшейся в них привычке к повиновению, солдаты, несмотря на близость противника, тут же остановились.

Генерал бросил последний взгляд на сундук и кивнул:

— Центурион! Избавься от этой повозки!

— Избавиться?

— Утопи ее, да. Проследи, чтобы она затонула с верхом, отметь место и следуй за мной. Я позабочусь, чтобы вас дождались. Выполняй!

— Есть.

Сердито хлопнув себя по бедру, генерал повернулся, вскочил на коня и поскакал по тропе. За спиной его снова взревел боевой рог. Зазвенели мечи: конный заслон сражался с авангардом воинства Касволлана.

— Давайте, ребята, — крикнул центурион. — Последний раз поднатужимся! Плечами подпирайте, плечами! Вот так. А теперь — все разом — валите ее!

Повозка стала медленно погружаться в трясины. Бурая болотная вода, проступив сквозь щели в днище, уже облизывала бока сундука.

— Еще разок! Наляжем! Давай!

Последним усилием людям удалось затолкнуть повозку поглубже, и та с негромким бульканьем скрылась из глаз. Секунду-другую на темной маслянистой поверхности воды расходились круги, потом она вновь стала ровной.

— Вот и все, парни. А теперь живо уносим ноги. На берегу нас уже заждались.

Выбравшись из топи на твердую почву, легионеры принялись разбирать щиты и копья, в то время как их командир торопливо делал пометки на вощенной табличке. Закончив, он захлопнул планшет и знаком велел солдатам построиться, но, прежде чем маленькая колонна успела двинуться с места, в тумане послышался нарастающий стук копыт. Несколько мгновений спустя мимо пехоты пронеслась горстка всадников. Один из них едва держался на лошади, шкура животного была темно-бурой от крови.

Едва римские конники пропали из виду, как в тумане вновь застучали копыта, теперь с куда большей силой. Послышались

гортанные крики туземцев, столь дикие и свирепые, что даже самых неустрашимых из римлян пробрал холодок.

— Копья к броску готовы! — скомандовал центурион, и солдаты подобрались, повинувшись приказу.

Гортанные вопли звучали все громче, но враг по-прежнему оставался незримым. Лишь в тот момент, когда в серой завесе проступили расплывчатые растущие тени, центурион рявкнул:

— Бросай!

Легионеры, все разом, метнули копья; те, взлетев, описали дугу и пропали из виду, разя утративших бдительность бриттов. Мгла разразилась воплями, стонами, истошным ржанием раненых лошадей.

— В колонну по одному! — скомандовал центурион. — Быстрым шагом марш!

Маленькая колонна потекла по тропе, центурион, постоянно оглядываясь, шагал рядом. Метательные копья нанесли бриттам ущерб, и потому они сделались осторожнее, однако через минуту-другую за спинами римлян опять послышался стук копыт. Что-то негромко чмокнуло, и один из легионеров ахнул от боли: из спины его торчало древко стрелы. Пытаясь набрать воздуху в легкие, солдат упал на колени, потом повалился ничком.

— Бегом!

Звякая снаряжением, легионеры перешли на трусцу, а из тумана вылетали все новые и новые стрелы. Враг стрелял наугад, однако стрелы шли густо, и отступающая колонна непрерывно редела, один за другим римляне падали на тропу. Раненые, неспособные бежать дальше, угрюмо обнажали мечи. На возвышенность, где болото уступало место песку и гальке, вскарабкалось лишь пятеро человек. Слабый звук морского прибоя показался им музыкой, легкий сентябрьский ветерок развеял туман, и в сердцах отступающих всколыхнулась надежда, ибо до покачивающейся на волнах лодки оставалось каких-то двести шагов. Чуть дальше в море чернела трирема, а остальные корабли римского флота уже превратились в темные пятнышки, скрывающиеся за чертой горизонта.

— Поторопись! — крикнул центурион, бросая свой щит и меч. — Скорее, ребята! Нас ждут!

Мелкий галечник брызгами разлетался под ногами бегущих, позади в очередной раз взревел рог. Бритты тоже увидели море и горячили коней, чтобы не дать беглецам уйти. Стиснув зубы, центурион несся вниз по пологому склону. Шум погони все нарастал, но он не смел оглянуться, ибо малейшее промедление могло стать для него роковым. На корме лодки виднелась фигура, стоящая совершенно недвижно. Это был генерал, ветер рвал с него алый плащ. Еще пятьдесят скачков — и за спиной отчаянно вскрикнули. Копье бритта нашло свою цель.

Подгоняемый страхом, центурион огромными прыжками пересек полосу песка, пробежал с плеском по мелководью и ринулся к лодке. Он ухватился за борт, сильные руки выдернули его из воды. Миг спустя на него плюхнулся еще кто-то, шумно и часто дыша. Особо рьяные преследователи тоже было сунулись в воду, но могучие телохранители полководца подняли копья, а гребцы взяли за весла, и лодка двинулась к поджидавшей триreme.

— Тебе удалось утопить повозку? — с беспокойством спросил генерал.

— Д-да, удалось, — тяжело всхрапывая, выдохнул центурион и погладил свисавший с плеча планшет. — Здесь план. Правда, сделанный наспех, но все-таки план.

— Отлично, центурион. Передай его мне.

Передавая планшет, центурион огляделся и понял, что из всего отряда спаслись лишь двое — раненный в руку солдат и он сам. На удалявшемся берегу конные варвары окружали легионера, не успевшего броситься на свой меч. При мысли о том, какие муки ожидают несчастного, центурион поежился. Нет, этим дикарям нельзя даваться живым.

В лодке воцарилось молчание, оно было мрачным. Наконец завернутый в алый плащ полководец сказал:

— Мы вернемся, ребята. Мы вернемся, и, когда это случится, тем, кто поднял оружие против Рима, придется горько о том пожалеть. Я, Гай Юлий Цезарь, говорю вам, что так все и будет. Клянусь прахом отца.

Глава 1

*Рейнский рубеж
Девяносто шесть лет спустя,
начало правления Клавдия, 42 год*

Охранник открыл дверь, впустив в уборную порыв ледяного ветра.

— Приближается повозка.

— Закрой эту треклятую дверь. Что еще?

— С ней люди.

— Солдаты?

— Вряд ли. — Легионер поморщился. — Если только не произошло изменений в строевом уложении.

Дежурный центурион вскинулся.

— Легионер? Разве я разрешил тебе высказывать свое мнение?

— Никак нет, командир! — Солдат вытянулся в струну.

«Так его, — подумал Люций Корнелий Макрон, еще месяц назад бывший всего лишь помощником центуриона. — От этих новых начальничков, только вчера блевавших рядом с тобой после попойки, не знаешь, чего и ждать».

— Каковы будут приказы?

— Приказы? — Макрон на момент призадумался. — Ладно, потом. Я сейчас приду. А ты возвращайся к воротам.

— Есть.

Караульный повернулся и покинул уборную, невольно ежась под мхурыми взглядами полудюжины центурионов. Согласно неписаному правилу, никто из них не разрешал своим людям беспокоить себя в отхожем месте, а потому, подтеревшись губкой и подпоясавшись, Макрон точно так же, как и его подчиненный, проходя мимо них, виновато потупил глаза.

Ночь стояла отвратная. Холодный северный ветер, пронизывавший каждую пядь пространства между казармами, гнал из-за

Рейна дождевые лохматые тучи, усугубляя мрачное настроение новоиспеченного центуриона. Макрон подозревал, и, по всему судя, не без оснований, что старые командиры в большинстве своем считают его назначение на столь ответственный пост несуразной ошибкой, однако он был исполнен решимости доказать, что это не так. Правда, как ни крути, следовало признать, что пока эта решимость ему не очень-то помогала. Оказалось, что быть опционом много легче, чем разгребать свалившийся на его плечи кошмар. То есть ежедневно заботиться и о пропитании восьмидесяти солдат, и о своевременной очистке выгребных ям, и об очередности назначения в караул, и о состоянии казарм, а также оружия и амуниции, и о выплате жалованья, и о поставках снаряжения, и о фураже для мулов, и о солдатской похоронной казне. Конечно, как все это делается, доподлинно знал писец центурии — старый сморчок Пизон, он, собственно, всем этим и занимался, однако Макрон с некоторых пор стал подумывать, что этот малый либо некомпетентен, либо нечестен, но уличить его ни в том ни в другом возможности не имел, ибо был в грамоте слаб. Нет, различать буквы и цифры он худо-бедно умел, но писанина и счет никак ему не давались, а между тем легат, принимая решение о его назначении, безусловно, предполагал, что сын захолустного земледельца Макрон все же умеет считать и писать. Стоит командованию узнать, что это не так, и обманщика тут же вышвырнут с престижной должности. До сих пор ему удавалось сваливать всю возню с документами на Пизона — под предлогом чрезвычайной загруженности, но, похоже, проклятуций писец уже начал что-то подозревать. Горестно покачав головой, центурион поплотней запахнул красный плащ.

Ночь выдалась темной. Мрак усугубляли низкие, полностью затянувшие небо облака: верный признак того, что скоро выпадет снег. Из окружающей темноты до слуха Макрона доносились разнообразные звуки, свидетельствовавшие о том, что жизнь крепости идет своим чередом, эти звуки вот уже более четырнадцати лет являлись неотъемлемой частью его жизни. В конюшнях за дальними казармами ревели мулы, из окон, обозначенных колеблющимся светом свечей, неслись грубые голоса. Макрон среди взрыва солдатского хохота вдруг различил грудной

женский смех и замер на полушаге, прислушиваясь. Кто-то опять ухитрился нарушить устав. Женщина вновь рассмеялась и что-то с сильным акцентом сказала, на нее тут же зашикали, и в помещении на миг воцарилась мертвая тишина.

Присутствие в крепости посторонней особы являлось вопиющим нарушением дисциплины, и Макрон, резко повернувшись, зашагал к казарме, однако, уже положив руку на дверную ручку, замер как вкопанный.

По всем правилам ему следовало с бранью ворваться в солдатское общежитие, незамедлительно арестовать нарушителей, а трижды долбаную блудницу велеть взапой вытолкать за крепостные ворота. И все бы ничего, но за подобными действиями должна была следовать запись в журнале взысканий. Опять писанина, в которой он не горазд.

Скрипнув зубами, Макрон выпустил дверную ручку и отступил назад — на улицу, а шлюха вновь зашлась смехом, больно уколотившим его командирскую совесть. Быстро оглядевшись и убедившись, что свидетелей постыдной ретирады дежурного в округе не наблюдается, он поспешил убраться подальше от превращенной в дом блуда казармы. Беспутные солдаты несомненно заслуживали пинка — и по яйцам, если в их компанию затесался кто-либо из его подчиненных. Это было бы наказание, соразмерное преступлению. Скорое и без всяческой писанины. Впрочем, судя по выговору, девка была из германской слободки, а это значило, что нарушители дисциплины сами накажут себя. Пусть не все, но кое-кто из них обязательно наматает себе что-нибудь на конец.

Хотя вокруг было темно, Макрон интуитивно выбирал нужное направление, поскольку все римские лагеря строились по единой, раз навсегда заданной схеме. В считанные минуты он вышел на широкую виа Претория и зашагал к южным воротам. Их охранял так некстати потревоживший его караульный, и Макрон, сердито хмурясь, прошел мимо него. Узкая деревянная лестница взбегала к будке, наполненной красноватым светом жаровни. Четыре легионера играли в кости, сидя на корточках близ огня. Увидев появившуюся над уровнем пола голову центуриона, они вскочили и вытянулись.

— Вольно, ребята, — сказал им Макрон. — Можете продолжать.

Он поднял засов и потянул на себя дверь, выводящую на крепостную стену. Порыв сквозняка вздул еле тлевшие угли, над ними взметнулось яркое пламя, но тут же опало, ибо центурион уже вышагнул в ночь. Поставшая площадка насквозь продувалась, и яростный ветер тут же вцепился в плащ офицера, норовя сорвать его с плеч. Поежившись, Макрон поплотнее закутался в жесткую ткань.

— Где?

Часовой всмотрелся в темноту между зубцами стены и острием копья указал на колышущийся в ночи огонек. То был светильник, прикрепленный к задку ползущего по дороге возка. Щурясь от ветра, Макрон различил очертания бредущей следом колонны. Человек двести, не больше, решил он про себя.

— Мне дать сигнал выставить наружную стражу?

Макрон обернулся к легионеру:

— Что ты сказал?

— Мне дать сигнал выставить наружную стражу?

Макрон с удивлением воззрелся на часового. Тот был очень молод. Как же его зовут? Кажется, Сирос. Да.

— Ты давно служишь?

— Нет. Всего год.

«Стало быть, только что из учебки», — подумал Макрон. Оно и видно: следует каждой буковке правил. Ничего, пообтешется, поднаберется опыта и научится различать, когда надо действовать по уставу, а когда по уму.

— Так зачем же нам ставить наружную стражу?

— Согласно караульному уложению при приближении к крепости неопознанного отряда надлежит усилить охрану ворот и прилегающих к ним участков стены.

Макрон поднял брови. Пункт устава был приведен слово в слово. Похоже, Сирос относился к учебе всерьез.

— И что же дальше?

— Командир?

— Дальше, спрашиваю тебя, что?

— Дежурный центурион, оценив обстановку, должен определить, следует ли объявить общую тревогу, — отчеканил солдат.

— Молодец, — улыбнулся Макрон.

Часовой с облегчением улынулся в ответ, но проверка не кончилась. Центурион снова повернулся к приближающейся колонне.

— А теперь скажи мне, насколько, по-твоему, грозную силу представляет собой этот сброд? Пугает ли он тебя, парень? Как по-твоему, способны эти две сотни бездельников пойти на штурм, взять приступом стены и перебить весь Второй легион? Что скажешь?

Часовой глянул на офицера и смущенно потупился:

— Не думаю.

— Это не ответ, — заявил Макрон, ущипнув паренька за плечо. — Думаю за тебя я. Отвечай, как положено отвечать командиру.

— Никак нет, командир.

— Вот и я полагаю, что нет.

— Виноват. Прошу прощения.

— Скажи-ка мне, Сирос, ты ведь был на разводе перед дежурством?

— Так точно, командир.

— И внимательно слушал все наставления?

— Так точно, командир.

— В таком случае ты не мог не запомнить моего сообщения о том, что в крепость должен прибыть отряд новобранцев на смену отслужившим свое ветеранам. Говорил я такое?

— Так точно, командир.

— А если я говорил, а ты запомнил, то чего же ради ты послал ко мне нарочного, да еще прямо в нужник? Сдернул, можно сказать, свое начальство с очка?

Под осуждающим взглядом центуриона караульный съежился:

— Прошу прощения, командир. Этого больше не повторится.

— Да уж постарайся, чтобы не повторилось. Или тебе придется до конца года торчать в караулах. А сейчас проследи, чтобы парни спустились к воротам. Я тут сам разберусь.

Пристыженный легионер отсалютовал и нырнул в караульную будку. Там загомонили, затем послышался топот: стража торопливо спускалась по лестнице. Центурион улынулся. Паренек зашустрил.

«Вот и прекрасно, — подумал Макрон, — на ошибках учатся. Именно так сопляки и делаются солдатами, а вся болтовня на-счет прирожденных воинских качеств — собачья чушь».

Неожиданный порыв ветра чуть не сбил его с ног и затолкнул в опустевшую караулку. Живительное тепло, исходящее от жаровни, охватило озябшее тело, и Макрон удовлетворенно вздохнул. Согревшись, он отворил маленькое смотровое окошко и выглянул в ночь. Конвой неуклонно двигался к крепости, уже можно было разглядеть как повозку, так и бредущих за ней людей.

«Жалкий сброд, — презрительно усмехнулся Макрон, — ни воинской выправки, ни боевого духа».

Это было ясно хотя бы по тому, что ни один из уныло плетущихся новобранцев не встрепенулся при виде укрытия, они продолжали брести, как брели, и даже сыпанувший вдруг с неба косой крупный дождь не заставил их прибавить шагу. Макрон безнадежно покачал головой и приступил к соблюдению необходимых формальностей. Он распахнул ставни шире и, набрав в легкие воздуху, зычно выкрикнул:

— Стой! Кто идет?

Повозка остановилась. Человек, сидевший рядом с возницей, поднялся и прокричал:

— Подкрепление из Авентикума в сопровождении эскорта. Командир — Люций Батиак Бестия.

— Пароль?

— Еж. Позволят ли нам войти?

— Пароль принят. Входите.

Щелкнув кнутом, возница направил волов вверх по склону, а Макрон перешел к другому окну. Стража внизу сбилась в мокрую кучку.

— Открыть ворота! — крикнул сверху Макрон.

Один караульный сноровисто вытащил запорный штырь из засова, остальные ухватились за балку. Створки ворот с тяжелым скрипом разъехались, и повозка, уже добравшаяся до верхней точки подъема, вкатилась во двор. Бестия тут же спрыгнул с сиденья и заорал, размахивая толстой тростью:

— Живей, недоноски! Шевелитесь! Кому говорят! Неужели самим вам не хочется поскорей оказаться под крышей?

Новобранцы, отшагавшие добрых двести миль за повозкой, угрюмо втягивались во двор. По большей части все они кутались в дешевые, пробиваемые дождем и ветром плащи, прижимая к груди узелки со своим скудным скарбом, у меньшинства же вообще не было ни узелков, ни накидок. В стороне от всех держалась кучка скованных одной цепью людей. Это были преступники, которые предпочли армейскую службу каменоломням. Бестия, расчищая себе путь ударами трости, пошел на толпу.

— Эй, не стойте, как стадо баранов! Дайте дорогу настоящим солдатам. Всем отойти к стене и построиться. Живо! Марш-марш!

Толпа стала растекаться, образуя неровную, шевелящуюся шеренгу. Наконец к ней присоединились последние недотепы, и в крепость строем, печатая шаг, вступили два десятка легионеров из отряда сопровождения. По знаку Бестии они разом замерли, и офицер одобрительно покачал головой.

Макрон, воспользовавшись воцарившейся на плацу тишиной, приказал караульным закрыть ворота.

Бестия, подбоченившись, оглядел новобранцев.

— Этих людей, — он ткнул пальцем через плечо, — выковал Второй легион. Самый крутой легион во всей римской армии, запомните это. Нет ни одного племени варваров, что не впадало бы в ужас, заслышав о нас. — Центурион с ленцой прошелся вдоль строя. — Наш легион перебил тьму дикарей и захватил больше земель, чем любое другое римское подразделение. А почему? Ответ очень прост. Все дело в том, что мы тут не распускаем соплей, а готовим солдат. Самых крепких, самых суровых, самых бесстрашных и самых безжалостных бойцов в мире. — Бестия грозно кашлянул. — А теперь глянем на вас. Что мы увидим? Кучу дерьма, и только. Кучу вонючего, ни на что не годного, ничтожнейшего дерьма! Дерьмо не заслуживает ничего, кроме презрения, но я за вас все же возьмусь. Зажму нос, засучу рукава и добьюсь того, чтобы каждый из тех, кто стоит тут, удостоился чести быть принятым в наш легион. Я наблюдал за вами в пути, это было жалкое зрелище, видят боги, но, так или иначе, вы поступили на службу, и я начну вас учить. Сначала сделаю из паршивых сопляков что-то более-менее путное, а уж потом займусь тонкой доводкой, превращающей даже олухов в закаленных солдат. Сразу предупреждаю, вам будет трудно, но

не пытайтесь ныть, хныкать или отлынивать от занятий. Вот этим, — он высоко поднял трость, — я вышибу дурь из любой твердолобой башки. Понятно ли это вам, дармоеды? Я спрашиваю, понятно это вам или нет?

Усталые новобранцы вразброд прогудели что-то невнятное. Бестия поднес ладонь к уху:

— Это что — ответ солдат своему командиру? Я не расслышал! Вы боевой отряд или сборище говнюков?

Он протянул руку и выдернул из шеренги тощего долговязого рекрута. Вроде бы наугад, но Макрон видел, что это не так. Новобранец явно отличался от своих сотоварищей какой-то особенной деликатностью облика, да и плащ его, пусть заляпанный грязью, безусловно стоил немалых денег. Как раз такие лучше всего и годятся для показательной взбучки, Бестия свое дело знал.

— Это еще что за новости? Откуда у паршивого новобранца такое роскошное одеяние? Ты где-то стянул его, парень? Я прав?

— Нет, — спокойно ответил рекрут. — Мне подарил его друг.

Бестия без малейшей заминки двинул глупца тростью в живот, и тот, согнувшись в три погибели, сдавленно ахнул.

— Когда обращаешься к старшим, щенок, говори не *да* или *нет*, а *так точно* и *никак нет*. И добавляй *командир*, чтобы было ясно, что ты отвечаешь не хрену ослиному. Уяснил, недоумок?

Молодой человек, задыхаясь, пытался набрать воздуха в грудь. Бестия подбодрил его новым ударом трости.

— Я спрашиваю, усвоил?

— Так точно, командир! — выкрикнул новобранец.

— Громче!

— Так точно, командир!

— Так-то лучше. А теперь поглядим, что ты таскаешь с собой.

Центурион выхватил у юноши узел и потянул за концы. На мокрые камни мощеного въезда шлепнулся, разворачиваясь, комплект сменной одежды, а потом с тихим стуком попадало все остальное: маленькая фляжка, краюха хлеба, два свитка и обтянутый кожей набор для письма.

— Какого хрена? — Центурион с изумлением поддел набор тростью, потом с недоверием воззрится на рекрута. — Что это за дрянь?

— Мои письменные принадлежности, командир!
— Письменные принадлежности? На кой хрен легионеру письменные принадлежности?

— Я обещал друзьям, что буду писать им.

— Другьям? — Бестия осклабился. — Не матери, не отцу, а, смотри ты, — друзьям.

— Мой отец умер, командир.

— А ты хоть помнишь, как его звали?

— Так точно, командир. Его имя...

— Заткнись! — рявкнул Бестия. — Мне на это плевать. Был у тебя папаша или его вовсе не было, здесь ты — ублюдок. Как и все остальные паршивцы. Итак, ублюдок, гляди мне в глаза и представься.

— Мое имя Квинт Лициний Катон... командир.

— Вот что, Катон. Я знаю только два типа грамотных новобранцев. Это либо шпионы, либо придурки, воображающие, что их тут же произведут в командиры. Ты к которому типу относишься?

Рекрут вздохнул:

— Ни к тому ни к другому, командир.

— Значит, тебе эти штуковины вроде и не нужны? — Бестия подпихнул ногой свитки к сточной канаве.

— Осторожнее, командир!

— Что ты сказал? — Центурион, занося трость, развернулся. — Что ты сейчас мне сказал? Повтори.

— Я сказал: осторожнее, командир. Один из этих свитков адресован легату.

— Легату! Чтоб мне...

Макрон не мог не ухмыльнуться, видя, как ошарашен бывалый, наперечет знающий все уловки и хитрости рекрутов центурион. Поседевший в муштре молодежи служака сталкивался и с трусостью, и с дерзостью, и с наглостью, но такое слышал впервые. Письмо? У молокососа? К легату? Откуда? Эта загвоздка сбила старого Бестию с насиженного шестка, однако, надо отдать ему должное, он быстро оправился.

— Ладно, недоумок, собери свое барахло. — Бестия ткнул тростью в сторону свитков. — Хренов болван. Только прибыл — и уже взбаламутил весь лагерь. Вот и возись с такими придур-

ками. Да меня просто блевать от вас тянет. Ну, ты слышал, что тебе сказано? Подними все! И дай эту штуку сюда!

Пока новобранец ползал в грязи, Бестия набросился на остальных:

— Вы что вылупились? Живо разбейтесь на группы! Пошевеливайтесь! А ты погоди!

Последнее было обращено к успевшему собрать свои шмотки Катону.

Легионеры эскорта покинули строй и деловито принялись делить толпу вновь прибывших на отряды. Бестия тем временем пристально изучал поданный ему свиток. Он внимательно прочел адрес, проверил печать, еще раз перечитал адрес и задумчиво поднял глаза, гадая, как поступить. И углядел ухмыляющегося Макрона.

— Эй, Макрон! Ну-ка двигай сюда! Да пошевеливай задницей, парень!

Через пару мгновений Макрон, моргая и щурясь, стоял навзятжку перед старшим центурионом. Капли дождя, стекая по ободу шлема, попадали в глаза.

— Кажется, оно подлинное. — Бестия помахал свитком перед носом младшего командира. — Возьми его и сопроводи нашего приятеля в штаб.

— Я на дежурстве.

— Я подменяю тебя до возвращения. Топай.

«Вот скотина», — мысленно выбранился Макрон. Знать не зная, чего стоит обнаруженная у молодого дурня писулька, Бестия бережет свою жопу и хочет, чтобы в случае чего выволочку за напрасно отнятое у большого начальника время получил кто-то другой.

— Будет сделано, командир, — угрюмо произнес он, принимая письмо.

— Давай, Макрон, не задерживайся надолго. Я устал, продрог и мечтаю о теплой постели.

Бестия направился к лестнице и стал подниматься наверх. Макрон проводил его мрачным взглядом и повернулся, чтобы как следует рассмотреть идиота, из-за которого он теперь будет вынужден тащиться куда-то под ледяным противным дождем. Чтобы сделать это, ему пришлось задрать голову, ибо малый был выше его на добрую половину локтя. Густые черные волосы

рекрута липли ко лбу, под которым хмуро поблескивали карие, глубоко посаженные глаза. Губы юноши были плотно сжаты, но подбородок еле заметно подрагивал, непреложно свидетельствуя, что пережитое унижение все еще будоражит его.

Хотя путь от сборного пункта в Авентикуме был долгим и вся одежда красавчика извозилась в грязи, Макрону редко доводилось видеть столь отменно пошитые вещи. А тут еще дорогие письменные принадлежности и эти свитки... Нет, определенно что-то с этим малым не так. Судя по всему, деньжата ему не в диковину. Но тогда на кой ляд он собрался тянуть солдатскую ляжку?

— Катон, так, что ли, тебя зовут?

— Да.

— Я тоже командир, и отвечать мне положено, как командиру, — улыбнулся Макрон.

Катон попытался принять стойку «смирно», и Макрон рассмеялся:

— Вольно, парень. Расслабься. Ты не в строю и не на плацу. По крайней мере, до завтрашнего утра тебя больше не тронут. Давай-ка снесем твое письмо куда нужно.

Он мягко подтолкнул юношу в спину и зашагал рядом с ним, потом бросил взгляд на письмо и тихонько присвистнул.

— Знаешь, что это за печать?

— Так точно, командир. Печать императорской канцелярии.

— А почему имперской почтовой службе вздумалось использовать тебя как курьера?

— Не имею ни малейшего представления, командир, — ответил Катон.

— А от кого письмо, у тебя есть представление?

— Так точно, командир. От императора.

Макрон поперхнулся, едва не сбившись с ноги. Странные, чтоб им провалиться, заявляют в легион новобранцы! Интересно было бы уяснить, какого такого хрена император пересылает легату депешу через хренова сопляка? Видно, с этим молодкососом и впрямь не все гладко.

Снедаемый любопытством, Макрон решил, что от него не будет, если он станет держаться с мальчишкой повежливей.

— Извини, что спрашиваю, но зачем ты прибыл сюда?

СОДЕРЖАНИЕ

РИМСКИЙ ОРЕЛ	5
ОРЕЛ-ЗАВОЕВАТЕЛЬ	329
Исторические заметки	731